

Проблемы совершенствования правового регулирования в Северокавказских регионах России в контексте евразийской интеграции: теоретико-правовой аспект

5.1.1 — Теоретико-исторические правовые науки

Абулмуслим Магомедович Муртазалиев

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация, *amuslim@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются вопросы совершенствования правового регулирования в Северо-Кавказском федеральном округе в условиях развития евразийской интеграции. Основное внимание уделяется общим проблемам евразийского права, включая разноскоростной характер интеграции, неопределённый статус актов ЕАЭС, недостаточность судебной защиты и слабость институциональных механизмов имплементации. Рассмотрены историко-культурные особенности региона, связанные с сохранением адата и шариата, а также социально-экономические проблемы: зависимость от федеральных трансфертов, теневая экономика, безработица. На основе проведённого анализа выявлены правовые коллизии и предложены направления совершенствования регулирования с учётом региональной специфики.

Ключевые слова: правовое регулирование, евразийское право, Северный Кавказ, правовой плюрализм, интеграция, адат, шариат.

Для цитирования: Муртазалиев А.М. Проблемы совершенствования правового регулирования в Северокавказских регионах России в контексте евразийской интеграции: теоретико-правовой аспект // Юридический вестник ДГУ. 2025. Т. 56, № 4 (76). С. 66–73. DOI: 10.21779/2224-0241-2025-56-4-66-73

Original article

Problems of improving legal regulation in the North Caucasian regions of Russia in the context of Eurasian integration: theoretical and legal aspect

5.1.1 — Theoretical and historical legal sciences

Abulmuslim M. Murtazaliev

Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation, *amuslim@mail.ru*

Abstract. The article examines the challenges of improving legal regulation in the North Caucasus Federal District within the context of Eurasian integration. Particular attention is paid to the general problems of Eurasian law, including multi-speed integration, the uncertain status of EAEU acts, lack of judicial protection, and weak institutional implementation mechanisms. The historical and cultural specifics of the region, such as the preservation of adat and sharia, as well as socio-economic challenges — dependence on federal transfers, shadow economy, and unemployment — are analyzed. Based on this analysis, legal conflicts are identified, and ways to improve regulation considering regional particularities are proposed.

Keywords: legal regulation, Eurasian law, North Caucasus, legal pluralism, integration, adat, sharia

For citation: Murtazaliev A.M. Problems of improving legal regulation in the North Caucasian regions of Russia in the context of Eurasian integration: theoretical and legal aspect. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2025, vol. 56, no. 4 (76), pp. 66–73. DOI: 10.21779/2224-0241-2025-56-4-66-73. (In Russ.).

Введение. Современный этап евразийской интеграции, институционально оформившийся с созданием Евразийского экономического союза (ЕАЭС), представляет собой один из ключевых проектов на постсоветском пространстве. ЕАЭС, начавший функционировать 1 января 2015 года на основании Договора от 29 мая 2014 года (Астана)¹.

объединил Россию, Беларусь, Казахстан, Армению и Кыргызстан. Изначально задуманный как экономическая интеграционная структура для формирования общего рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы, на практике его развитие в большей степени сопряжено с правовыми проблемами и вопросами правоприменения.

В условиях изменения однополярного мира интеграционные процессы, которые определяют весь процесс глобализации и регионализации, приобретают особое значение и, как обоснованно отмечают в литературе, именно регионализация, а не

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе: подписан в г. Астане 29.05.2014. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения 20.09.2025).

глобализация при этом может привести к созданию многополярного мира [1, с. 1877]. При этом «в ряде региональных образований интеграционные процессы достигают такого уровня, что можно говорить о формировании единого правового пространства, которое характеризуется единством правового регулирования социальных, экономических, внешнеполитических и иных отношений в регионе» [1, с. 1881]. Уже в первые годы функционирования ЕАЭС продемонстрировали, что интеграция невозможна без формирования особой правовой системы — евразийского права, представляющего собой наднациональный уровень регулирования, интегрируемый в национальные правовые порядки государств-членов. По своей природе евразийское право сочетает черты международного и внутригосударственного регулирования: оно создаётся договорными механизмами, но претендует на прямое действие на территориях стран-участниц. Это порождает ряд проблем — от неопределённости статуса актов органов ЕАЭС до отсутствия единых механизмов их имплементации в национальное законодательство [2, с. 71].

Особую актуальность эти проблемы имеют для регионов в составе России со значительной степенью правового и культурного своеобразия. К таким регионам относится Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО), включающий семь субъектов РФ (Республика Дагестан, Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия — Алания и Ставропольский край). По параметрам социально-экономического развития округ относится к отстающим и слабо развитым регионам, что является следствием трансформационных процессов, которые проводились в 90-х годах [3, с. 26]. Здесь проживают десятки этносов, большинство населения исповедует ислам, а в регулировании общественных отношений сохраняется значительная роль норм адата и шариата. В результате формируется, как отмечается в литературе, особый тип правового плюрализма, в котором федеральное законодательство взаимодействует с традиционными и религиозными регуляторами [4, 5, 6, 7].

Наряду с этим социально-экономическая ситуация в регионе также влияет на интеграционные процессы. Так, согласно данным федеральной статистики, уровень безработицы в республиках Северного Кавказа стабильно превышает среднероссийские показатели, а зависимость бюджетов от федеральных трансфертов достигает 60–85 % [3, 8]. Высокий уровень теневой экономики, низкая инвестиционная привлекательность и миграционные процессы усугубляют институциональную нестабильность, что делает СКФО не просто периферией евразийской интеграции, но и зоной, где наднациональные механизмы сталкиваются с особым сопротивлением.

Таким образом, СКФО можно рассматривать как своеобразную лабораторию для проверки эффективности евразийского права. Если универсаль-

ные интеграционные механизмы окажутся действенными в условиях Северного Кавказа, их можно будет применять и в других регионах с высокой этноконфессиональной дифференциацией. В противном случае возникнет вопрос о разработке специальных моделей адаптации правовых решений ЕАЭС для территорий с особыми социально-культурными характеристиками.

Цель настоящей статьи — исследовать проблемы совершенствования правового регулирования в СКФО в условиях евразийской интеграции. Для её достижения необходимо: выявить общие проблемы евразийского права как наднациональной системы; проанализировать историко-культурные особенности Северного Кавказа и их влияние на современную правовую практику; определить основные социально-экономические вызовы региона и их правовые последствия; рассмотреть конкретные примеры коллизий между федеральным, наднациональным и традиционным правом; предложить рекомендации по адаптации интеграционных процессов с учётом региональной специфики.

Научная новизна статьи заключается в комплексном анализе взаимодействия евразийского права и правового плюрализма Северного Кавказа. В то время как большинство исследований интеграции сосредоточены на институциональном развитии ЕАЭС и международных аспектах, региональное измерение и его влияние на эффективность интеграции остаются недостаточно изученными. Между тем, именно региональный уровень зачастую становится «слабым звеном», где универсальные нормы сталкиваются с сопротивлением социальной среды.

Основная часть. Анализ правовых вызовов, стоящих перед СКФО, требует теоретико-правового осмысления как современных процессов евразийской интеграции, так и уникальной исторической траектории развития правовых систем региона. Евразийский экономический союз знаменует новый этап региональной интеграции, направленный на формирование единой правовой системы через гармонизацию и унификацию законодательства государств-членов. Данный процесс во многом опирается на опыт европейской интеграции, в частности на концепцию многоуровневого правления. Согласно этой концепции различные уровни власти (наднациональный, национальный, региональный и местный) взаимодействуют и совместно принимают решения, признавая взаимно пересекающиеся компетенции. Концепция подчёркивает децентрализацию, вовлечённость граждан, принцип субсидиарности и эффективное распределение полномочий [9, с. 120]. В рамках ЕАЭС эта модель реализуется в поэтапном развитии институтов: от гармонизации правового регулирования к его унификации [10, с. 107].

В отличие от ЕС, ЕАЭС не обладает собственными силовыми структурами или независимой налоговой базой, полагаясь на сотрудничество с национальными и субнациональными органами для реализации своих актов, что создаёт уникальную динамику, при которой национальные госу-

дарства остаются ключевыми исполнителями решений, но сталкиваются с приоритетом норм права ЕАЭС над национальными законами [11, с. 77].

Применение этой теории к Северному Кавказу открывает новые перспективы для понимания правового ландшафта региона, поскольку исторически Северный Кавказ всегда представлял собой сложную, многоуровневую правовую систему, где сосуществовали несколько «правовых миров»: адат, шариат и российское/советское право. Эта историческая практика правового плюрализма, когда разные уровни регулирования действуют одновременно, создала основу для современного многоуровневого правопорядка. Сегодня этот порядок включает в себя и уровень ЕАЭС, в результате чего можно говорить о формировании четырёхуровневой правовой системы в регионе: 1) российское федеральное право РФ; 2) региональное право субъектов РФ; 3) традиционное право (адат, шариат); 4) наднациональное право ЕАЭС.

Взаимодействие этих уровней отличается сложностью. Если национальное законодательство уже было предметом длительных споров, то теперь добавляется новый фактор – единообразное толкование и применение норм ЕАЭС Судом Союза, который выполняет функции высшей инстанции, обеспечивающей преемственность и целостность наднационального правового поля. Решения Суда имеют существенное значение, поскольку не только разрешают споры между государствами-членами, но и создают прецеденты, влияющие на правоприменительную практику на всех уровнях. Для Северного Кавказа это означает, что любые попытки легализации или де-факто признания традиционных норм должны будут соотноситься с нормами права ЕАЭС. Приоритет норм ЕАЭС может стать инструментом защиты прав человека и гражданских свобод, противодействуя таким практикам, как кровная месть или дискриминация женщин. Однако существует и риск излишней централизации и унификации, способной подавить уникальные этнокультурные и правовые традиции региона.

Таким образом, теория многоуровневого правового регулирования служит не только абстрактной конструкцией, но и практическим инструментом для анализа и прогнозирования правового развития Северного Кавказа в условиях углубляющейся евразийской интеграции. Успех интеграции будет зависеть от способности региона найти баланс между национальным суверенитетом, сохранением культурного наследия и выполнением обязательств в наднациональном правовом пространстве.

На состояние интеграции и развитие права влияют общие проблемы евразийского права, которое как региональная подсистема международного права сформировалось в результате институционализации ЕАЭС. Уже на этапе создания Союза проявились системные противоречия, до сих пор препятствующие его полноценному развитию.

Одной из ключевых проблем остаётся имплементация актов ЕАЭС, то есть функционирование механизма включения актов Союза в национальные правопорядки. Так, в Российской Федерации отсут-

ствует специальное законодательство, регулирующее порядок реализации актов международных организаций. В Республике Беларусь, хотя и закреплена возможность принятия нормативных актов для выполнения международных обязательств, механизм их разработки применительно к актам ЕАЭС также не создан. В результате решения органов Союза оказываются в «подвешенном состоянии»: они обязательны, но часто не имеют инструментов реализации. На практике это приводит к ситуации, когда в одних сферах (таможенное регулирование, техническое нормирование) акты ЕАЭС действуют напрямую, а в других — их реализация требует принятия дополнительных национальных актов, что замедляет процесс и вызывает фрагментацию правового пространства. Отсутствие унифицированных правил имплементации подрывает доверие бизнеса и снижает предсказуемость регулирования. О нерешенности вопросов таможенного регулирования на практике свидетельствует, например, появившаяся на днях информация о транзитном коллапсе на границе Казахстана с Россией с доставкой импортных грузов из Китая¹. И это по истечении 10 лет с момента образования ЕАЭС, в рамках которого предусматривалось единое таможенное регулирование (ст. 32 Договора о ЕАЭС)!

Другой фундаментальной проблемой является неравномерность интеграции государств-участников и необходимость проработки процедуры непосредственного применения решений ЕАЭС на территории государств-членов, а также разработки в каждом из них нормативно-правовых актов, определяющих механизм их включения в национальное право [2, с. 78]. Например, Казахстан активно адаптирует акты Союза через президентские указы и специальные программы. Россия сталкивается с трудностями из-за масштабности правовой системы и отсутствия федерального закона о реализации актов международных организаций. Армения и Кыргызстан, присоединившиеся позже, также демонстрируют разный уровень готовности. Эта асимметрия ведёт к тому, что общее правовое пространство ЕАЭС становится «разорванным» и недостаточно единообразным. В одних странах предприниматели получают преимущества доступа к рынку, а в других сталкиваются с бюрократическими барьерами и неопределённостью.

В этой связи существует также проблема правового статуса актов ЕАЭС, поскольку Договор о ЕАЭС не устанавливает прямо их обязательную силу, хотя косвенные положения предполагают необходимость его исполнения государствами-членами. Как отмечает А.Т. Рагимов, «нормы и принципы современного международного права – благодатная почва для успешного развития евразийского правового пространства» [11, с. 80]. Многие акты Высшего совета и Межправительственного совета утверждают лишь концепции и программы, не создавая прямых обязательств. Таким образом, в ЕАЭС доминирует «мягкое

¹ Скорлыгина Н. Как в пробку канули: на границе РФ и Казахстана образовались огромные очереди с грузами из Китая // Коммерсант. 2025. 2 окт.

право», которое задает ориентиры, но не гарантирует их исполнение.

Для понимания масштаба проблем ЕАЭС его полезно сопоставить с Европейским союзом. В ЕС действует принцип прямого действия права Союза и его приоритета над национальным правом, а Суд ЕС обеспечивает единообразное толкование и применение норм. В ЕАЭС приоритет норм Союза не закреплён столь явно, а их прямое действие ограничено отсутствием национальных механизмов. В результате формируется «асимметричная» интеграция, где политические декларации опережают правовую практику.

Исторический контекст правового регулирования на Северном Кавказе. Правовой ландшафт Северного Кавказа исторически характеризуется феноменом плюрализма, который заложил основы для современной сложной системы взаимодействия различных правовых систем. Этот феномен представляет собой не просто совпадение или конкуренцию норм, а сложную, зачастую диалектическую взаимосвязь между государственным, традиционным и религиозным правом. Адат и шариат регулировали все аспекты жизни — от семейных отношений до уголовных правонарушений [4, 5].

В дореволюционный период Северный Кавказ развивался в условиях правового плюрализма. Основным регулятором общественных отношений выступали адаты — нормы обычного права, закреплявшие порядок землепользования, семейные и наследственные отношения, ответственность за правонарушения. Адат был глубоко укоренён в коллективной психологии горских обществ и воспринимался как естественный механизм поддержания справедливости. Наряду с ним существовал и шариат, особенно в районах с сильным влиянием ислама (Чечня, Дагестан). С присоединением Северного Кавказа к Российской империи в XIX веке имперская администрация столкнулась с проблемой интеграции местных правовых систем в общероссийское законодательство. Власти предпринимали попытки систематизировать и кодифицировать адаты, создавая сборники обычного права для местных судов. Фактически сложилась смешанная система, при которой наряду с имперскими законами применялись нормы шариата и адата. Это обеспечивало гибкость, но сохраняло «юридическую фрагментацию» региона.

После Октябрьской революции ситуация изменилась, поскольку советская власть провозгласила принцип единого государственного законодательства, но на практике вынуждена была учитывать специфику Северного Кавказа. В 1920–1930-е годы адаты и мусульманское право были частично восстановлены и даже формально легализованы. В ряде республик создавались шариатские суды, действовавшие параллельно с советскими судебными органами. Более того, мусульманское право претерпело институциональные изменения: вводилась выборность кадиев, коллегиальность рассмотрения дел, создавались апелляционные инстанции.

Однако со временем курс на секуляризацию усилился, шариат постепенно утрачивал значение, особенно в уголовном праве, а адаты вытеснялись советским законодательством. Тем не менее, в семейно-бытовой сфере и межэтнических отношениях традиционные нормы продолжали существовать неформально. Распад СССР сопровождался ростом религиозной идентичности на Северном Кавказе. В республиках СКФО усилилось влияние мусульманских духовных управлений, появились требования о восстановлении шариатских судов. В общественной дискуссии звучали тезисы о том, что исламское право «лучше соответствует духу народов Кавказа» и эффективнее регулирует социальные отношения, чем российские законы. В 1990-е годы в Чечне предпринимались попытки институционализации шариатской юстиции, что сопровождалось ростом сепаратистских движений и вооружённых конфликтов. В других республиках (например, в Дагестане) шариат и адат действовали преимущественно как неформальные практики, но их авторитет оставался высоким.

На современном этапе в СКФО сохраняется правовой плюрализм: наряду с федеральным законодательством существуют традиционные регуляторы, продолжающие влиять на общественную жизнь. По наблюдениям исследователей, адат и шариат выступают «самодовлеющими феноменами, детерминантами правового мышления, преемственной частью системы правовых ценностей». Так, в горных районах Дагестана земельные отношения нередко регулируются тухумами (родовыми общинами), где земля считается общинной собственностью, и её продажа запрещена, что противоречит Земельному кодексу РФ. Аналогичные коллизии наблюдаются в семейном праве: брачные контракты и наследственные споры часто решаются по шариату, а не по Семейному кодексу РФ. Как отмечает А.П. Волгина, «о частичном включении обычного права в систему российского права и его использования в правоприменительной практике обязывает сохранившиеся в правосознании народов Северного Кавказа значения обычного права в регулировании и обеспечении их жизнедеятельности» [12, с. 12]. Такого же мнения придерживаются и другие исследователи, отмечая, что «с учетом исторического опыта можно предположить, что включение отдельных норм и принципов мусульманского права и адата в российскую правовую систему — вполне вероятная перспектива развития законодательства ряда республик в составе Российской Федерации, в частности на Северном Кавказе» [5, с. 76].

Следовательно, научные дискуссии вокруг правового плюрализма Северного Кавказа сводятся к вопросу: возможно ли интегрировать традиционные нормы в современное государственно-правовое поле? Одни исследователи полагают, что адат и шариат должны постепенно утратить силу в пользу федеральных и наднациональных норм. Другие считают, что только «мягкая интеграция», основанная на уважении к традициям, может обеспечить устойчивость и снизить социальное напря-

жение. Современный правовой плюрализм на Северном Кавказе носит ярко выраженный региональный характер. В Дагестане, Чечне и Ингушетии шариат и адат активно применяются, особенно в частноправовых спорах.

На Северном Кавказе существуют три основные позиции по отношению к правовому плюрализму: полное непризнание традиционных систем; признание *de facto*, допускающее их применение без формальной легализации (наиболее распространённая позиция); легализация с предложениями по созданию республиканских кодексов, объединяющих нормы государственного, адатного и шариатского права. Практика показывает, что легализация остаётся маловероятной. Более реалистичным представляется поиск путей синтеза и гармонизации. Например, возможно включение отдельных норм мусульманского права и адата в российскую систему в частноправовых отношениях при условии их соответствия федеральному законодательству. Однако это требует научного изучения, экспертной работы и готовности государства к диалогу с представителями традиционных институтов.

Современные социально-экономические вызовы формируют общий контекст для реализации интеграционных процессов и правового регулирования в регионах Северного Кавказа.

Как отмечает Г.Х. Батов, «оценка социально-экономического положения СКФО показывает, что округ сопровождает множество проблем, которые препятствуют устойчивому и поступательному развитию. С позиции «Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2030 года» основными проблемами являются высокий уровень теневой экономики и неформальной занятости» [3, с. 42]. В итоге он заключает, что многие проблемы СКФО можно решить при сочетании мероприятий извне и изнутри с учетом традиций, обычного права и менталитета, которыми руководствуется население округа [3, с. 44]. Критическая зависимость региональных бюджетов от дотаций федерального центра, высокий уровень теневой экономики, безработица, миграция, слабость инфраструктуры, в частности, низкая транспортная доступность ряда горных районов, и другие проблемы в совокупности формируют правовую уязвимость региона, поскольку законы и нормативные акты, принятые на федеральном и наднациональном уровнях, зачастую не действуют в полную силу в условиях повсеместной неформальной экономики и слабой институциональной базы. Например, налоговое законодательство формально распространяется на всех субъектов хозяйствования, однако значительная часть бизнеса ведёт деятельность без регистрации. Акты ЕАЭС, направленные на гармонизацию технических стандартов или регулирование рынка труда, оказываются малоэффективными, поскольку их исполнение упирается в отсутствие институциональных механизмов и кадрового потенциала.

В интеграционных процессах проявляется ещё и сложившаяся на практике специфика правового регулирования в субъектах СКФО. Так, Республика Дагестан – самый полиэтнический субъект РФ: здесь проживает более 30 коренных народов. Эта этнокультурная пестрота отражается на правовой системе. В горных районах сохраняется практика коллективного владения землёй через тухумы (родовые общины). По адату земля не может отчуждаться, продаваться или дробиться, что противоречит Земельному кодексу РФ. Это создаёт коллизии и для инвесторов из стран ЕАЭС, заинтересованных в аграрных проектах. В республике активно работают трудовые мигранты из Кыргызстана и других стран, однако регулирование их статуса сталкивается с двойственностью: федеральные законы предоставляют льготы, но работодатели часто не оформляют работников официально. Судебные споры нередко решаются через религиозные или родовые и клановые структуры, а не через государственные суды.

Чеченская Республика демонстрирует пример своеобразной правовой автономности. Здесь сильно влияние исламских норм на общественные отношения; формально они не имеют юридической силы, но фактически воспринимаются населением как обязательные. Более 80% бюджета формируется за счёт федеральных трансфертов, что снижает стимулы для участия в интеграционных проектах ЕАЭС. Приток капитала из стран ЕАЭС минимален, наднациональные программы практически не реализуются.

Республика Ингушетия – один из наиболее дотационных субъектов РФ. Налоговые доходы на душу населения составляют менее 5 тыс. руб., что в семь раз ниже среднероссийского уровня, официальный уровень безработицы достигает 25–30 %. В условиях экономической слабости усиливается роль тейпов как социальных институтов, регулирующих распределение помощи и разрешение конфликтов, что снижает значимость государственных и наднациональных правовых механизмов.

Кабардино-Балкарская Республика имеет более сбалансированную структуру экономики за счёт сельского хозяйства и туризма. В сельских районах сохраняются элементы адата, регулирующие вопросы землепользования и семейных отношений. Республика демонстрирует интерес к развитию сельхозкооперации с Казахстаном и Арменией, однако правовые барьеры (аренда земли, налоговый режим) мешают полноценному развитию.

Карачаево-Черкесская Республика во многом похожа на КБР по структуре экономики: аграрный сектор является основой, что открывает возможности для сотрудничества в рамках ЕАЭС. Как и в других республиках, земельные отношения осложнены традиционными ограничениями. Несмотря на слабую экономику, республика постепенно включается в проекты ЕАЭС, особенно в сфере сельхозэкспорта. Однако отсутствие институциональной базы для защиты инвесторов сдерживает процесс.

Республика Северная Осетия – Алания занимает промежуточное положение: регион ближе к среднероссийским стандартам, традиционные институты имеют меньшее влияние, но неформальные практики присутствуют. Северная Осетия имеет потенциал для включения в евразийские транспортные и торговые проекты.

Ставропольский край – наиболее развитый субъект СКФО. Край имеет диверсифицированную экономику, развитое сельское хозяйство и промышленность. Доля налога на прибыль в региональном бюджете превышает 15 %, что существенно выше среднего по округу. Благодаря географическому положению Ставрополье играет роль транзитного узла для транспортных коридоров ЕАЭС. В отличие от национальных республик, здесь меньше влияние адатов и шариата, что облегчает применение федерального и наднационального законодательства.

Успешное развитие евразийской интеграции в таком сложном регионе, как Северный Кавказ, невозможно без эффективной системы институционального обеспечения. Ключевую роль здесь играет Суд Евразийского экономического союза, который является главным гарантийным и контрольным органом интеграционного проекта¹. Основная функция Суда — обеспечение единообразного толкования и применения норм права ЕАЭС. Однако институциональное обеспечение интеграции не сводится только к деятельности Суда. Необходимо учитывать и другие аспекты. Во-первых, это вопрос гармонизации законодательства. Процесс согласования национальных законодательств с нормами ЕАЭС является непрерывным и трудоёмким. Во-вторых, это вопрос распределения полномочий и субсидиарности. Для Северного Кавказа это означает, что в вопросах, не входящих в прямую компетенцию ЕАЭС, должны сохраняться полномочия региональных и местных властей.

В конечном счёте, институциональное обеспечение интеграции должно быть гибким, прозрачным и демократичным. Оно должно сочетать жёсткие гарантии наднационального права, обеспечиваемые Судом, с механизмами учёта местного самоуправления и неформальных институтов.

Социокультурная интеграция как необходимое условие. Правовое регулирование на Северном Кавказе невозможно рассматривать в отрыве от глубоких социокультурных процессов. Для достижения долгосрочной стабильности необходима не только юридическая гармонизация, но и целенаправленная политика социокультурной интеграции. Этот подход рассматривает правовые и этнические конфликты не как проблемы, решаемые исключительно силовыми или законодательными методами, а как результат социальной дезинтеграции, кото-

рую необходимо преодолевать через создание общих ценностей и институтов.

Центральным элементом социокультурной интеграции является построение общей ценностно-нормативной модели, основанной на принципах политического участия, социальной инклюзии, равенства возможностей и гражданской солидарности. Эта модель должна опираться на достижения мировой правовой и гуманитарной мысли, в частности, на Копенгагенскую декларацию социального развития (1995), которая определяет три ключевых принципа: перераспределение социально-экономических ресурсов, политическое представительство этносоциальных групп и признание их культурной идентичности.

Поскольку совершенствование правового регулирования в СКФО невозможно без учёта как общих проблем евразийского права, так и региональной специфики, то востребован комплекс мер, охватывающий законодательную, институциональную, образовательную и правоприменительную сферы.

В сфере законодательства необходимо обеспечить адаптацию актов ЕАЭС к региональным условиям. Следует разработать нормативные акты «мягкого типа», допускающие вариативность применения. К примеру, в земельных отношениях можно предусмотреть особый порядок аренды земли для граждан ЕАЭС, учитывающий адатные ограничения, но позволяющий инвесторам вести хозяйственную деятельность. Возможно также создание «зон евразийского права» в СКФО — территорий с упрощёнными правилами налогообложения и инвестирования для граждан и компаний из стран ЕАЭС. Упор должен делаться на правовую интеграцию. Отсутствие унифицированного закона об имплементации актов международных организаций в России подрывает эффективность ЕАЭС. Введение такого закона позволило бы формализовать порядок применения решений ЕАЭС на региональном уровне.

Институциональная слабость органов власти в СКФО делает необходимым формирование специальных механизмов согласования:

создание Межрегионального совета по вопросам евразийской интеграции с участием представителей ЕЭК, федеральных органов, парламентов республик и традиционных лидеров для выявления правовых коллизий.

открытие филиалов Евразийской экономической комиссии в крупных центрах СКФО (Махачкала, Грозный) для налаживания постоянного диалога.

введение института евразийских медиаторов, учитывающих адатные и исламские традиции при разрешении хозяйственных споров.

Образовательная и кадровая политика — одна из острых проблем. В СКФО не хватает юристов, ориентирующихся в российском, исламском и евразийском праве. В юридических факультетах университетов региона целесообразно ввести курсы по юридической антропологии, адату и шариату, а также праву ЕАЭС. Для государственных служащих и судей должны проводиться курсы по применению норм ЕАЭС в условиях правового плюрализма. Выпускники исламских

¹ Статут суда Евразийского экономического союза. Приложение 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/59c6c990db8e37a1c23e01df97e446e834cf60b/ (дата обращения: 19.09.2025).

университетов могли бы стать связующим звеном при условии получения дополнительного светского юридического образования.

Для улучшения правоприменительной практики суды и правоохранительные органы должны учитывать специфику региона, не нарушая федеральных и наднациональных норм. Верховный Суд РФ совместно с ЕЭК мог бы подготовить руководства для судей СКФО, разъясняющие правила учёта традиционных норм. Следует развивать институты медиации и третейских судов, адаптированные к региональным условиям. Необходимо усилить надзор и разработать инструменты защиты прав граждан стран ЕАЭС от дискриминации.

Востребованы научные исследования и экспертная база. В частности, необходимо создавать совместные исследовательские проекты университетов СКФО и стран ЕАЭС; проводить сравнительные исследования правового плюрализма в других интеграционных объединениях (ЕС, Африканский союз); разрабатывать практико-ориентированные рекомендации для органов власти и бизнеса.

Заключение. Проведённый анализ позволяет подытожить, что перспективы развития правового поля Северного Кавказа лежат в плоскости сложного синтеза трёх взаимосвязанных и зачастую конфликтующих факторов: национального суверенитета, исторического правового плюрализма и новых реалий евразийской интеграции.

Успешный путь заключается не в отказе от одного из этих элементов, а в поиске гармоничного баланса между ними. Это требует от политических элит, правовых систем и общества не только компромисса, но и определённых трансформаций. Будущее правового регулирования на Северном Кавказе зависит от способности найти золотую середину. Слишком жёсткая централизация приведёт к дальнейшей социальной дезинтеграции и росту правового нигилизма. Слишком мягкая политика в отношении традиционного права может привести к его доминированию над государственным, что сделает невозможной реализацию интеграционных проектов.

Успешный синтез возможен только при условии диалога между всеми участниками процесса. Именно на этой площадке должен происходить поиск компромиссов и выработка конкретных мер. В конечном счёте, цель состоит в том, чтобы создать правовое поле, которое будет одновременно уважать историю и культуру региона, обеспечивать верховенство общих для всей страны законов и эффективно функционировать в рамках открытой и конкурентоспособной евразийской экономической системы.

Северокавказский регион является критически важным для успеха евразийской интеграции. Именно здесь проверяется способность евразийского права учитывать культурное и правовое многообразие. Если интеграционные механизмы окажутся действенными в условиях Северного Кавказа, это создаст основу для их применения в других регионах с высокой этноконфессиональной дифференциацией. В противном случае возникнет необходимость в многоуровневой, дифференцированной модели интеграции.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что ЕАЭС пока не обладает достаточной правовой «глубиной» для преодоления вызовов, связанных с правовым плюрализмом СКФО, а региональные особенности не могут игнорироваться и должны стать частью интеграционной стратегии. Успешная интеграция возможна только на основе сочетания федерального, наднационального и традиционного права, где приоритет сохраняется за Конституцией РФ и актами Союза, но традиции учитываются как фактор легитимности.

Следовательно, ключевой принцип правового развития интеграции в регионах Северного Кавказа – не подавление местных традиционных институтов, а их конструктивное включение в современное правовое поле России и ЕАЭС. Это позволит снизить социальное напряжение, укрепить доверие населения к государственным и наднациональным структурам, а также превратить Северный Кавказ из периферийной зоны риска в активного участника евразийской интеграции.

Список источников

1. Курбанов Р. А. Евразийское право: вопросы концептуального развития // Право и политика. 2014. Т. 12. С. 1877-1887.
2. Довгань Е.Ф., Мокосеева М.А. Правовые проблемы функционирования Евразийского экономического союза // Вестник Марийского государственного университета. 2018. Т. 4, № 4. С. 71–79.
3. Батов Г.Х. Стратегия развития Северо-Кавказского федерального округа: вызовы и решения // ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика. 2024. № 4. С. 25–49.
4. Ярлыкапов А. Адат, Шариат и российское право на современном Северном Кавказе: итоги и перспективы // Россия и мусульманский мир. 2015. № 1. С. 60–69.
5. Рассказов Л. П., Рассказов В. Л. Роль шариата и адата в правовом регулировании общественных отношений на Северном Кавказе в дореволюционный, советский и постсоветский периоды // Философия права. 2014. № 5(66). С. 73–77.
6. Думанов Х.М., Перишц А.И. Полиюридизм у народов Северного Кавказа // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2006. №6. С. 56–64.
7. Гозгешева С.М. Феномен традиционных институтов обычного права (адата) и мусульманского (шариата) на Северном Кавказе // Вестник Адигейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. №3. С. 293-300.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Статистический сборник. Москва: Росстат, 2024, 1081 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 19.09.2025).

9. Чиркин В.Е. Правовые системы современности: взаимовлияние, сближение и антагонизмы // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 118–131.
10. Курбанов Р.А. Евразийское право. Теоретические основы. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 847 с.
11. Рагимов А.Т. Евразийское право и система международного права // Юридический вестник ДГУ. 2025. Т. 54, № 2. С. 75–81.
12. Волгина А.П. Обычное право народов Северного Кавказа в системе российского права в XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь: Ставропольский госуниверситет, 2004. 26 с.

References

1. Kurbanov R. A. Evraziiskoe pravo: voprosy kontseptual'nogo razvitiya [Eurasian law: issues of conceptual development], *Pravo i politika [Law and Politics]*, 2014, vol. 12, pp. 1877-1887. (In Russ.).
2. Dovgan E.F., Mokoseeva M.A. Pravovye problemy funktsionirovaniya Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza [Legal problems of the functioning of the Eurasian Economic Union]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Mari State University]*, 2018, vol. 4, no. 4, pp. 71-79. (In Russ.).
3. Batov G.Kh. Strategiya razvitiya Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga: vyzovy i resheniya [Development Strategy of the North Caucasus Federal District: Challenges and Solutions], *ETAP: Ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika [ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice]*, 2024, no. 4, pp. 25-49. (In Russ.).
4. Yarlykapov A. Adat, Shariat i rossiiskoe pravo na sovremennom Severnom Kavkaze: itogi i perspektivy [Adat, Sharia and Russian Law in the Modern North Caucasus: Results and Prospects], *Rossiya i musul'manskii mir [Russia and the Muslim world]*, 2015, no. 1, pp. 60–69. (In Russ.).
5. Rasskazov L. P., Rasskazov V.L. Rol' shariata i adata v pravovom regulirovanii obshchestvennykh otnoshenii na Severnom Kavkaze [The Role of Sharia and Adat in the Legal Regulation of Social Relations in the North Caucasus], *Filosofiya prava [Philosophy of law]*, 2014, no. 5(66), pp. 73–77. (In Russ.).
6. Dumanov Kh.M., Pershits A.I. Poliyuridizm u narodov Severnogo Kavkaza [Legal pluralism in the peoples of the Northern Caucasus], *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' [East. Afro-Asian societies: history and modernity]*, 2006, no. 6, pp. 56-64. (In Russ.).
7. Gozgesheva S.M. Fenomen traditsionnykh institutov obychnogo prava (adata) i musul'manskogo (shariata) na Severnom Kavkaze [The phenomenon of traditional law (adat) and Mohammedan law (shariath) in the North Caucasus], *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya [Bulletin of the Adyghe state university. Series "Region studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political sciences and culture science]*, 2011, no.3, pp. 293–300. (In Russ.).
8. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2024. Statisticheskii sbornik [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2024. Statistical Digest]. Moscow, Rosstat, 2024, 1081 p. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed 19.09.2025).
9. Chirkin V.E. Pravovye sistemy sovremennosti: vzaimovliyaniye, sblizheniye i antagonizmy [The Legal Systems OF Modern Times: Mutual Influences, Convergence and Antagonisms], *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki [RUDN University Bulletin. Series: Legal Sciences]*, 2014, no. 2, pp. 118–131. (In Russ.).
10. Kurbanov R.A. Evraziiskoe pravo. Teoreticheskie osnovy [Eurasian Law. Theoretical Foundations]. Moscow: UNITY-DANA Publ., 2015, 847 p. (In Russ.).
11. Ragimov A.T. Evraziiskoe pravo i sistema mezhdunarodnogo prava [Eurasian law and the system of international law]. *Yuridicheskii vestnik DGU [Law Herald of DSU]*, 2025, vol. 54, no. 2, pp. 75-81. (In Russ.).
12. Volgina A.P. Obychnoe pravo narodov Severnogo Kavkaza v sisteme rossiiskogo prava v XIX–XX vv.: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Customary law of the peoples of the North Caucasus in the system of Russian law in the 19th - 20th centuries: Cand. Law Sci. dis. Abstr.]. Stavropol: Stavropol State University Publ., 2004, 27 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Муртазалиев Абулмуслим Магомедович, заведующий кафедрой теории государства и права ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», доктор юридических наук, профессор, г. Махачкала, Российская Федерация.
E-mail: amuslim@mail.ru

Поступила в редакцию 07.10.2025 г.; одобрена после рецензирования 30.10.2025 г.; принята к публикации 28.11.2025 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Murtazaliev Abulmuslim Magomedovich, Head of the Department of Theory of State and Law, FSBEI HE "Dagestan State University", Doctor of Law, Professor, Makhachkala, Russian Federation.
E-mail: amuslim@mail.ru

Received 07.10.2025; approved after reviewing 30.10.2025; accepted for publication 28.11.2025